

К последнему месту встречи
Вслепую бредем мы вместе
И сторонимся речи
На берегу реки полноводной.
Так кончится мир
Так кончится мир
Так кончится мир —
Не взрывом, но всхлипом.

Т.С. Элиот «Полые люди»

1

Питер Холмс, капитан-лейтенант австралийского флота, проснулся, едва рассвело. Дремотно понежился в ласковом тепле, что исходило от спящей рядом Мэри, глядя, как сквозь кретоновые занавески пробиваются в комнату первые солнечные лучи. По наклону лучей он знал — уже около пяти, скоро свет дойдет до кровати Дженнифер, разбудит малышку, и родителям надо будет встать и приняться за дневные хлопоты. А пока можно еще немного полежать.

Он проснулся радостно и не сразу сообразил, откуда эта радость. Не от Рождества, ведь Рождество миновало. В тот день он протянул от розетки, что возле камина в гостиной, длинный провод и укра-

сил разноцветными лампочками елочку в саду — крохотную копию огромной елки, стоящей в миле от их дома напротив Фолмутского муниципалитета. На рождественский вечер они пригласили друзей, в саду был праздничный ужин — жаркое на вертеле и прочее угощенье. Рождество миновало, и сегодня, медленно соображал Питер, сегодня уже четверг, двадцать седьмое. Он лежит в постели, и спина еще побаливает, нажгло солнцем: вчера они весь день провели на берегу, и он участвовал в гонке яхт. Сегодня лучше походить в рубашке. Тут мысли Питера прояснились — да, конечно же, сегодня надо надеть рубашку. В одиннадцать часов он должен явиться в Мельбурн, в военно-морское ведомство. Это означает новое поручение, первую работу за семь месяцев. Если повезет, даже пошлют в плаванье, он здорово стосковался по кораблю.

Так или иначе, впереди работа. Вот чему он радовался, засыпая, и радость сохранилась до утра. С тех пор как в августе его произвели в капитан-лейтенанты, ему не давали ни одного задания, и при нынешних обстоятельствах он почти отчаялся когда-нибудь вновь заняться своим делом. Однако военно-морское ведомство, спасибо ему, все эти месяцы сполна выплачивало бездействующему моряку жалованье.

В кровати шевельнулась дочурка, тихонько, жалобно захныкала. Питер протянул руку, включил возле кровати электрический чайник на подносе

с чашками и с едой для малышки, рядом зашевелилась Мэри. Спросила, который час, он ответил. Поцеловал ее и сказал:

— Утро опять чудесное.

Она села, откинула волосы со лба.

— Я так обгорела вчера. С вечера я помазала Дженнифер вазелином, но, по-моему, не стоит брать ее сегодня на пляж. — Тут она вспомнила: — О, Питер, тебе ведь сегодня в Мельбурн?

Он кивнул.

— А ты бы осталась дома, посидела денек в тени.

— Пожалуй, так я и сделаю.

Он поднялся, пошел в ванную. Когда вернулся, Мэри тоже уже встала; малышка сидела на горшке, Мэри перед зеркалом расчесывала волосы. Питер сел на край кровати в отлогий полосе солнечного света и принялся готовить чай.

— В Мельбурне сегодня будет страшная жара, Питер, — сказала жена. — Может, мы к четырем приедем в клуб, ты нас там встретишь, и все искупаемся. Я возьму прицеп и захвачу все, что надо тебе для купанья.

У них был небольшой автомобиль, но с тех пор, как год назад кончилась «короткая война», он празднично стоял в гараже. Однако Питер Холмс, выдумщик и на все руки мастер, изобрел недурную замену. У них с Мэри есть велосипеды. Он соорудил маленький двухколесный прицеп на передних колесах от двух мотоциклов, пристроил к обоим велосипедам крепление, и теперь он или Мэри могут ездить

с прицепом, который служит то детской коляской, то тележкой для продуктов и любого груза. Труднее всего обоим дается долгий подъем в гору на обратном пути из Фолмута.

И сейчас Питер кивнул:

— Неплохая мысль. Я возьму с собой велосипед и оставлю на станции.

— Каким поездом поедешь?

— Девять пять. — Он отхлебнул чаю, глянул на часы. — Вот только допью и съезжу за молоком.

Он надел шорты и майку и вышел. Холмсы жили в первом этаже старого дома высоко над городом; отдельные квартиры сдавались внаем, Питеру принадлежал гараж и солидная часть сада. Была и веранда, на которой он держал велосипеды и прицеп. Разумней бы поместить их в гараж, а машину поставить просто под деревьями, но на это у Питера не хватало духу. Маленький «моррис» — первая его собственная машина и притом честно служила владельцу, когда он ухаживал за Мэри. Они поженились в 1961-м, за полгода до войны, до того, как Питер ушел на корабле королевского флота «Анзак»* и расстался с Мэри — бог весть как надолго, думали они тогда. Но грянула короткая, загадочная война, та война, история которой не была и никогда уже не будет написана, пламя ее охватило все северное полушарие и угасло с по-

* Анзаками называли австралийских и новозеландских солдат британской армии.

следними показаниями сейсмографов, отметившими взрыв на тридцать седьмой день. К концу третьего месяца, пока государственные мужи южного полушария собрались в Веллингтоне (Новая Зеландия), сравнивали имеющиеся у них данные и определяли создавшееся положение, Питер пришел на «Анзаке» обратно — последних остатков горючего кораблю хватило до Уильямстауна, — оттуда добрался до Фолмута, к своей Мэри и маленькому «моррису». В баке машины оставалось три галлона бензина; Питер нерасчетливо истратил их и еще пять купил на заправочной станции, прежде чем до сознания австралийцев дошло, что все горючее они прежде получали из северного полушария.

Сейчас Питер вывел велосипед и прицеп с вранды на лужайку перед домом, закрепил прицеп, оседлал велосипед и покатил прочь. Надо проехать четыре мили за молоком и сливками: транспорта почти не осталось, с окрестных ферм никаких продуктов не доставляют, и Холмсы научились сами сбивать масло в домашней маслобойке. И вот Питер катит по дороге, пригревает утреннее солнышко, за спиной бренчат в прицепе пустые бидоны, и отрадно думать, что его ждет работа.

На дороге почти нет движения. Он обогнал повозку — бывший автомобиль, мотор снят, лобовое стекло выбито, тащит эту повозку вол. Обогнал двух всадников, они осторожно правят лошадьми

по усыпанной гравием обочине асфальтового шоссе. Питер не жаждет обзавестись лошадыю — они стали редкостью, требуют большого ухода, продают их по тысяче фунтов, а то и дороже, но он уже подумывал ради Мэри купить вола. Он без труда сумел бы переделать «моррис» в повозку, но уж очень это будет горько.

За полчаса он доехал до фермы и прошел напрямиком в коровник. Здешний фермер, высокий, худощавый, не речистый, с хромотою, оставшейся после Второй мировой войны, — его давний знакомец. Питер застал его в сепараторной, здесь негромко гудел электрический мотор и молоко стекало в один бак, а сливки в другой.

— Доброе утро, мистер Пол, — поздоровался моряк. — Как сегодня дела?

— Хорошо, мистер Холмс. — Фермер взял у Питера бидон, доверху налил молока. — А у вас все ладно?

— Отлично. Вызывают в Мельбурн к морскому начальству. Может наконец будет мне работа.

— О, вот это хорошо. А то, пока дожидаясь, вроде даже устаешь, — сказал фермер.

Питер кивнул.

— Хотя, если пошлют в плаванье, дома станет сложнее. Но Мэри два раза в неделю будет к вам приезжать за молоком. Денег у нее хватит.

— Насчет денег не беспокойтесь, — сказал фермер, — я обожду, покуда вы вернетесь. Молока у меня вдоволь, даже сейчас, в такую сушь,

свиньи всего не выпивают. Вчера вечером я двадцать галлонов вылил в речку, вывезти-то нет возможности. Допустим, стал бы я разводить больше свиней, а толку? Не поймешь, что делать... — Он минуту помолчал. — Трудновато будет вашей жене сюда ездить. Как же ей быть с маленькой?

— Я думаю, она станет брать Дженнифер с собой в прицепе.

— Трудновато ей будет. — Фермер вышел из-под навеса сепараторной на залитую солнцем дорожку, оглядел велосипед Холмса и прицеп. — Хорош прицеп, — сказал он. — Любо-дорого поглядеть. Сами сработали?

— Сам.

— А колеса откуда взяли, если не секрет?

— Это мотоциклетные. Купил на Элизабет-стрит.

— Может, добудете парочку и для меня?

— Попробую, — сказал Питер. — Может, там еще остались. Они лучше маленьких, лучше идут на буксире. — Фермер кивнул. — Но, может, они уже и кончились. Народ сейчас больше раскупает мотоциклы.

— Я вот жене говорил, будь у меня к велосипеду прицеп вроде этого, я приспособил бы для нее сиденье и возил бы ее в Фолмут за покупками. В наше время тошно женщине одной на такой вот ферме, на отшибе. До войны-то было по-другому, села в машину, двадцать минут — и в городе. А на повозке с волом тащись три с половиной часа в один конец

да три с половиной обратно — семь часов только на дороге. Думала жена выучиться на велосипеде, да не выйдет у нее, не такая уже молоденькая и опять ребенка ждет. И неохота мне, чтоб она пробовала. А вот будь у меня прицеп вроде вашего, я два раза в неделю возил бы ее в Фолмут и заодно возил бы миссис Холмс молоко и сливки. — Он опять помолчал, потом прибавил: — Мне хоть так бы порадовать жену. В конце-то концов, как послушаешь радио, уже недолго осталось.

Моряк кивнул.

— Я сегодня поразведу в городе, может, и найду колеса. Если они дорого обойдутся, вы не против?

Фермер покачал головой.

— Были бы хорошие, не подвели. Главное, чтоб резина была надежная, прослужила до конца. Вон как у ваших.

Моряк снова кивнул:

— Я сегодня поищу.

— Для вас это лишние концы.

— Туда я могу подъехать трамваем. Никаких хлопот. Слава богу, у нас есть бурый уголь.

Фермер обернулся к все еще работающему сепаратору.

— Что верно, то верно. Хороши бы мы были без электричества. — Он ловко подставил под струю сливок пустой бачок и отодвинул полный. — Скажите, мистер Холмс, ведь для добычи угля в ходу большие машины, верно? Бульдозеры и всякое

такое? — Холмс кивнул. — Так откуда же на это берется горючее?

— Я тоже спрашивал, — сказал Питер. — Его выгоняют прямо на месте из бурого угля. И это обходится в два фунта галлон.

— Да ну! — Фермер помолчал, соображая. — Я подумал было, если угольщики могут гнать горючее для себя, так и для нас понемногу могли бы. Нет, не выйдет, уж больно высока цена...

Питер взял бидоны с молоком и сливками, поставил в прицеп и отправился домой. Доехал он в половине седьмого. Принял душ, облачился в форму, которую ему почти не случалось надевать с тех пор, как он стал капитан-лейтенантом, наскоро позавтракал и покатил на велосипеде под гору — надо поспеть к поезду 8:15, тогда прежде, чем явиться к начальству, он сумеет поискать в магазинах мотоциклетные колеса.

Он оставил велосипед в гараже, который в былые времена служил прибежищем его маленькой машине. Гараж этот больше не обслуживал автомобили. Вместо машин тут оставляли лошадей, лошадей держали главным образом деловые люди, которые жили за городом; они приезжали верхом, в бриджах и пластиковых плащах, лошадей оставляли в бывшем гараже, а к центру добирались на трамвае. Бензоколонки заменяли им коновязь. По вечерам они возвращались трамваем из центра, седлали лошадей, привязывали портфели к седлам и верхом отправлялись по домам. Дела

теперь велись куда медлительней прежнего, и это облегчало жизнь; дневной экспресс 5:03 отменили, вместо него поезд из Фолмута отходил в 4:17.

Питер Холмс по дороге в город гадал и прикидывал, какая его ждет работа, ведь из-за бумажного голода все ежедневные газеты закрылись и единственным источником новостей осталось радио. И Австралийский королевский флот теперь совсем мал. Ценой огромных трудов и затрат переоборудовали семь небольших судов, кое-как приспособили работать вместо жидкого топлива на угле; от попытки так же переделать авианосец «Мельбурн» отказались, когда выяснилось, что он будет слишком тихоходен и посадка чересчур опасна для самолета, разве что нужно было бы позарез. Да и запас авиационного горючего ничтожно мал, пришлось бы, по сути, свести на нет тренировочные полеты, короче говоря, нет никакого смысла сохранять военно-морскую авиацию. Ни о каких переменах в командном составе семи сторожевых кораблей и тральщиков Питер не слышал. Может быть, кто-то заболел и надо его заменить или наверху решили назначать офицеров на службу по очереди, чтобы они не растеряли свой опыт. А всего вероятнее, предстоит какая-нибудь нудная работенка на берегу — в конторе, в казарме либо на складе где-нибудь в унылой, богом забытой дыре вроде Флиндерского морского интендантства. Горько и обидно, если не придется выйти в море, и однако так будет лучше. Пока ты

на берегу, можно, как сейчас, заботиться о Мэри и малышке, а ведь осталось уже недолго.

Примерно за час Питер доехал до города и пошел на вокзал. Трамвай бодро покатыл по улицам, свободным от всякого другого транспорта, и в два счета доставил Холмса в квартал, где прежде торговали машинами. Большинство магазинов закрылось или перешло в руки немногих оставшихся владельцев, витрины все еще заполнены никому теперь не нужным товаром. Холмс некоторое время бродил в поисках двух легких, не слишком изношенных колес и наконец подобрал пару одного размера, но от мотоциклов двух разных марок, из-за этого придется еще подгонять ось, которую можно будет достать у единственного оставшегося в гараже механика.

Он связал колеса веревкой, доехал трамваем до Адмиралтейства. И явился к секретарю, знакомому лейтенанту-казначею.

— Доброе утро, сэр, — сказал ему молодой лейтенант. — Ваше назначение у адмирала на столе. Он хотел лично с вами поговорить. Я доложу ему, что вы уже здесь.

Капитан-лейтенант Холмс поднял брови. Такой прием необычен, но ведь флота осталось кот наплак, не диво, что и порядки в нем стали не совсем обычные. Холмс положил колеса на пол возле казначеева стола, озабоченно оглядел свою форму, снял с лацкана кителя какую-то нитку, кепи взял под мышку.

— Адмирал сейчас вас примет, сэр.

Холмс прошагал в кабинет и стал «смирно». Адмирал, сидя за столом, наклонил голову в знак приветствия.

— Здравствуйте, капитан-лейтенант. Вольно. Садитесь.

Питер сел в кресло возле стола. Адмирал, наклонясь, предложил ему сигарету из своего портсигара, щелкнул зажигалкой.

— Вы уже довольно давно без работы.

— Да, сэр.

Адмирал тоже закурил.

— Так вот, у меня есть для вас дело. Боюсь, я не могу вам приказать, не могу даже назначить вас на один из наших кораблей. Я направляю вас в качестве офицера связи на американский «Скорпион». Как я понимаю, вы знакомы с капитаном Тауэрсом?

— Да, сэр.

За последние месяцы Холмс раза три встречался с капитаном «Скорпиона», спокойным, немногословным человеком лет тридцати пяти, по выговору в нем угадывался уроженец Новой Англии. Холмс читал и американские сообщения о его деятельности в дни войны. Начало войны застало его атомную подводную лодку на патрулировании между Киской и Мидуэем; по соответствующему сигналу он вскрыл запечатанный приказ, погрузился и полным ходом взял курс на Манилу. На четвертый день, где-то севернее Айво-Джаммы, он всплыл на-

столько, чтобы выставить перископ и осмотреться, как это всегда полагалось во время каждой дневной вахты; море оказалось пустынно, видимости почти никакой — похоже, мешала какая-то пыль; и детектор, установленный наверху перископа, сразу указал на высокую радиоактивность. Капитан Тауэрс попытался доложить об этом в Пирл-Харбор, но не получил ответа; он направился дальше к Филиппинам, радиоактивность все возрастала. Ночью он сумел вызвать Датч-Харбор и хотел шифром передать сообщение адмиралу, но его предупредили, что всякая связь стала крайне нерегулярной, и никакого ответа он не получил. А на следующую ночь ему не удалось вызвать и Датч-Харбор. Продолжая следовать приказу, он обогнул с севера Лусон. В Балинтанском канале была густая пыль, уровень радиоактивности много выше смертельного, дул западный ветер силой 4–5 баллов. На седьмой день войны Тауэрс со своим «Скорпионом», все еще не имея нового приказа, вошел в Манильский залив и через перископ оглядел город. Радиоактивность воздуха здесь была несколько ниже, но все еще опасна для жизни; у Тауэрса не возникло ни малейшего желания вывести лодку на поверхность и подняться на мостик. Кое-какая видимость все же была; в перископ он увидел плывущую над городом пелену дыма и заключил, что в последние дни в этих краях произошел по меньшей мере один ядерный взрыв. Из залива, с расстояния пяти миль, он не заметил на берегу никаких признаков жизни.

Попробовал приблизиться к суше на такой глубине, чтобы продолжать наблюдения в перископ, и неожиданно сел на мель, хотя лоцманские карты здесь, на главном судоходном направлении, показывали глубину в двенадцать морских саженей; это утвердило Тауэрса в его подозрениях. Он продул цистерны, без особого труда снялся с мели, повернул и вновь вышел в открытое море.

В ту ночь ему опять не удалось вызвать ни одной американской станции и ни одного корабля, который мог бы передать его радиограмму дальше. Продув цистерны, он истратил большую часть сжатого воздуха и вовсе не желал пополнять запасы отравленным воздухом здешних мест. К этому времени лодка шла с погружением восьмой день; на здоровье команды это еще не сказалось, но заметно было, что нервы у людей сдают, все тревожились о доме и о семьях. Тауэрс связался с австралийской радиостанцией Порт-Морсби на Новой Гвинее; судя по всему, обстановка там была нормальная, но передать дальше сигналы Тауэрса оттуда не смогли.

Он решил, что самое правильное идти на юг. Снова обогнул с севера Лусон и взял курс на остров Яп, где находилась станция под контролем Соединенных Штатов. «Скорпион» дошел туда через три дня. Радиоактивность тут была низкая, почти нормальная; при спокойном море Тауэрс поднял лодку на поверхность, обновил воздух в лодке, наполнил цистерны и разрешил команде в несколько смен подняться на мостик. Наконец-то «Скорпион» вы-

шел на обычно оживленные морские пути, и здесь, к немалому облегчению Тауэrsa, им повстречался американский крейсер. Оттуда им указали место стоянки и выслали шлюпку; Тауэрс приказал бросить якорь, разрешил всей команде подняться на палубу, а сам отправился в шлюпке на крейсер и передал бразды правления капитану Шоу. Тут-то он впервые услышал о русско-китайской войне, разгоревшейся из войны Россия — НАТО, которую в свой черед породила война между Израилем и арабскими странами, затеянная Албанией. Узнал он, что русские и китайцы пустили в ход кобальтовые бомбы; что все сообщения пришли кружным путем, из Австралии через Кению. У крейсера назначена была подле острова Яп встреча с американским танкером; он ждал здесь уже целую неделю и в последние пять дней потерял всякую связь с Соединенными Штатами. Запаса горючего у крейсера хватило бы, чтобы, при строжайшей экономии, на самой малой скорости дойти до Брисбена — и только.

Командир Тауэрс оставался подле Япа шесть дней, и за это время скудные новости становились час от часу хуже. Не было связи ни с одной американской или европейской радиостанцией, но в первые два дня еще удавалось ловить сообщения из Мехико, и новости оттуда были хуже некуда. Потом эта станция умолкла, теперь моряки ловили только Панаму, Боготу и Вальпараисо, но там понятия не имели о том, что происходит в северном полушарии. Связались с несколькими кораб-